

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.222

ВОРЫ-РАЗБОЙНИКИ: ВЕРА И НЕВЕРИЕ В ПОЭЗИИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

А.В. Ильиных

Тверской государственной университет, г. Тверь

творчества

В статье на примере образов Вараввы и раскаявшегося разбойника исследуется проблема веры и неверия в творчестве Юрия Кузнецова. Отдельное внимание уделено роли портретной детали в духовной характеристике персонажа, а также значению библейского образа в контексте осмысления поэтом исторической судьбы России.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, поэзия XX–XXI вв., христианство, евангельские мотивы, Варавва, библейская символика.

Имя Вараввы упоминается во всех канонических Евангелиях [Мф. 27:15–26; Мк. 15:7–15; Лк. 23:17–25; Ин. 18:39–40], также о нем говорится в Книге деяний святых апостолов [3:14]. По обычаю в честь праздника Пасхи Понтий Пилат освобождает одного из заключенных под стражу преступников, и народ, подстрекаемый первосвященниками, просит освободить именно Варавву. О разбойнике рассказано мало, упоминается лишь, что он был известен и сидел в темнице вместе со своими сообщниками за совершенное во время мятежа убийство.

Варавва является действующим лицом таких произведений Юрия Кузнецова, как «Воры – разбойники» и «Юность» и «Зрелость» из трилогии «Путь Христа». Образ этот интересен в контексте исследования творчества Юрия Кузнецова тем, что поэт значительно расширяет историю разбойника, дополняет ее различными биографическими и портретными деталями, вследствие чего Варавва становится своеобразным духовным антиподом Христа, лишенным, однако, ярко выраженной инфернальности антихриста, образ которого часто встречается в позднем творчестве Ю. Кузнецова. При всех негативных характеристиках Варавва, в отличие от антихриста, представленного как наваждение и морок, все же является лишь человеком и выполняет важную роль в поэтическом осмыслении Кузнецовым проблем веры и неверия.

Варавва не только фактический, но и метафорический разбойник. Характеристика «воры-разбойники» из одноименного стихотворения восходит к рассказанной Христом притче: «Истинно, истинно говорю

© Ильиных А. В., 2022

вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник» [Ин. 10:1]. Под «дверью» в данном случае подразумевается сам Спаситель и его учение, а вора-разбойникам уподобляются «все лжепророки, лжемиссии» [3, с. 468]. Так с уровня бытового, реалистического, поэт переносит образы на уровень метафорический, и вор и разбойник становятся также и преступниками веры.

Стихотворение открывается образом скучающего вора, что тщетно пытается выловить в море ключи от рая. Глагол «скучал» в данном случае характеризует его действия скорее как рожденные капризом, чем четкой целью, и неудачная попытка вора «выловить» ключи в море выглядит жалкой имитацией деяний апостолов, которых Христос учил «ловить человеков» [Лк. 5:10] (вспомним также, что хранителем ключей от рая становится апостол Петр, бывший рыбак). Так вор старается попасть в рай, минуя трудности, связанные с путем веры, войти не в дверь, а «перелезть инде». Важным, однако, здесь является сам факт подобного поиска, сигнализирующий о зачаточном стремлении к духовности, хоть и превратно понимаемой.

Вору встречается разбойник Варавва: «Из глаза ближнего сучок / Он крал, играя» [5, т. 5, с. 11]. Способность подмечать недостатки и слабые стороны других людей помогает Варавве, который уже в этом стихотворении предстает в образе ложного пастыря, уводить за собой всех столь же «скучающих» овец, маня их «отмычками», то есть суля провести в рай кривым путем. Однако несмотря на уверенность разбойника в собственных силах и его обещания, дорога в рай пролегает через Голгофу и «крест высокий» – истинной благодати нельзя достичь обманными средствами, есть лишь один правильный путь – учение Христа. Деепричастие «играя» в данном случае подчеркивает легкомысленный, задорный, лихой характер Вараввы, для которого жизнь – своя и чужая – оказывается всего лишь игрой.

Далее Варавву мы встречаем уже в поэме «Юность», где он охарактеризован как «бродячий зилот». Зилотами изначально называли ревнителей иудейской веры, а после римского завоевания – сторонников особой политически-религиозной партии, под знаменем веры отцов воюющих за политическую самостоятельность. Зилоты являлись мятежниками и беспощадно убивали своих противников, толкая народ на антиримское восстание [7, стб. 911–912]. Так и Варавва выступает с речами о грядущем Мессии, смущая народ и подвигая его на выступление против римлян. В этом эпизоде поэт предоставляет несколько важных портретных деталей разбойника. «Рыжий Варавва словами слегка рыжеват», – говорит он, противопоставляя разбойника истинным пророкам, несущим народу «золотые слова» [5, т. 5, с. 409]. Рыжие волосы во многих культурах, и в русской в частности, символизируют хитрость и коварство, а также могут служить маркером демонического начала [1; 4]. Это усиливается повторением – внешний признак перерастает в признак внутренний, речь Вараввы так

же «рыжа», как его голова, – то есть хитра и лжива. Юный Христос замечает пустоту его слов и отмахивается от них, как от дурного сна. «Золото» мира, о котором вещает Варавва, предстает золотом ложным, материальным, в противовес золоту духовному. У Вараввы нет искупляющих его характеристик, он изображен исключительно отрицательно и выступает с речью, «злбно при этом бросая угрозы косые». И вновь прилагательное отсылает нас не только ко внешней характеристике (Варавва кос), но и ко внутренней. Вспомним стихотворение Ю. Кузнецова «Число»:

«Троица смотрит прямо.
Но сатана лукав.
“Нет! – говорит близ храма. –
троица – змей-триглав!”
Змей этот смотрит косо...» [5, т. 4, с. 297]

Косой взгляд, как и кривой путь веры в рассмотренной выше притче Христа, символизирует духовное искажение. Угрозы Вараввы не только лживы, но и рождены глубоким нравственным заблуждением.

В поэмой трилогии Кузнецова Варавва является первым (неканонически) воскрешенным Христом человеком, если не считать эпизода с разбившимся мальчиком из «Детства». После убийства Вараввы конницей Пилата Спаситель оживляет останки разбойника собственной кровью, то есть проводит своеобразный ритуал причащения, однако воскресший Варавва продолжает упорствовать в неверии и отрицает совершившееся чудо, списав все на сновидение. Дальнейшая судьба Вараввы оценивается Кузнецовым уже в этом эпизоде словами «Но счастья нигде не обрел». Лихой и лукавый разбойник и подстрекатель оказывается дважды спасен Христом, прямо и косвенно, однако не в духовном, а лишь в физическом плане. Душа Вараввы не находит покоя, в чем выражается в очередной раз мысль поэта о единственно возможном пути спасения для человека – пути истинной веры, который человек должен принять добровольно и самостоятельно, всецело проникнувшись учением.

Как отметил В.А. Редькин, «многие его [Ю. Кузнецова] стихи – это развернутые метафоры, воплощающие судьбу России» [9, с. 54]. Не является исключением и образ Вараввы, что важен в контексте осмысления Кузнецовым событий начала девяностых. Поэт писал: «Революция – это всегда разрушение... <...> Моему характеру и образу жизни претят любые митинги и демонстрации» [6, с. 146]. В свете характеристики поэтом перестройки как «чудовищного обмана народа» [Там же] эпизод с подавлением мятежа во главе с Вараввой воспринимается по-новому: «Жертвы двойного обмана молчали пред ним, / Жертвы воров и закона, чей мир стал иным» [5, т. 5, с. 409]. Варавва как пророк нового времени, пророк лжи и кровавого разгула становится олицетворением лихих девяностых, и дальнейшая его судьба служит иллюстрацией исторической судьбы

России: народ предаёт Христа и просит отпустить вместо него Варавву, то есть предаётся забвению истинная духовность в угоду лжи, коварству и разбою, воплощенным в образе рыжего смутьяна.

Трагедия Вараввы заключается в том, что он не в состоянии поверить даже в увиденное собственными глазами и непосредственно пережитое чудо. Его неверие выливается в абсолютное отрицание и духовную слепоту, что на метафорическом уровне выражено через образ «слабой веры, чадающей во тьме головешкой», то есть парадоксальным образом лишь увеличивающей царящую внутри него темноту. Поэт не даёт Варавве, чье сердце «крушит змеиный искус», надежды на искупление. Христос призывает разбойника к покаянию и наказывает помнить – помнить и сотворенное чудо, и знаменательную встречу со Спасителем, но следующая затем картина встающего над «башней забвенья и славы» солнца предвосхищает будущее – духовное забвение, в которое опустится Варавва, и вечную славу Спасителя.

В противовес Варавве в поэмах Кузнецова встречаем образ раскаявшегося разбойника. Здесь поэт совмещает два рассказа о случившемся: евангелисты Марк и Матвей указывают, что поносили Христа оба разбойника [Мк. 15: 32; Мф. 27: 44], Лука же, напротив, представляет одного из распятых преступников раскаявшимся и стремящимся унять другого и дополняет эпизод диалогом между разбойником и Спасителем. Б. И. Гладков в своем толковании примиряет это противоречие, говоря, что разбойник едва ли почти одновременно веровал в Христа и поносил его, но евангелисты «не могли, конечно, обойти молчанием и издевательство одного из разбойников, и потому, употребляя, как это часто бывает в описаниях, множественное число вместо единственного, говорят: также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его» [3, с. 712]. Иную трактовку, частично нашедшую отражение и в поэме Кузнецова, предоставляет Феофилакт Болгарский: поначалу злословили оба разбойника, но затем «один из них, который поблагоразумнее, познал благость и Божество Иисуса из тех слов, которые Он изрек за распинателей, говоря: “Отче! Прости им” (ст. 34). Ибо слова сии не только исполнены совершенного человеколюбия, но обнаруживают много и собственной власти» [2, с. 482–483].

Вначале поэт изображает обоих разбойников хулящими Христа, но затем, после наступившего затмения перед самой смертью Спасителя, один из них раскаивается. Однако Ю. Кузнецов вкладывает в уста Христа неканоническую (не соответствующую Евангелию) фразу, отсылающую к ирмосу 9-й песни канона Великой субботы Космы Манумского [8], и обращена она не к Богу Отцу с просьбой простить хулящих, а к Богородице: «Мати, не плачь, не рыдай мене, бедная мати!» [5, т. 5, с. 444]. Эта фраза не только предвосхищает воскрешение Спасителя (о чем говорится в каноне), то есть свидетельствует о его божественной стороне, но и ак-

центрирует внимание на «живом» Христе (что, по признанию поэта, было в числе его поэтических задач [6, с. 350]), который в страшную минуту перед гибелью так по-человечески обращается к матери.

Следует отметить параллель в описании Спасителя и разбойника: Христос на кресте «вздрогнул и вспыхнул – святая звезда благодати» [5, т. 5, с. 444], когда увидел в толпе свою мать и обратился к ней со словами сострадания – так и разбойник «вздрогнул» и обратился к Спасителю. Указанный повторяющийся глагол не случаен. Как Христос вспыхивает светом благодати, так и на разбойника через Спасителя нисходит благодать – дар, который изливается на человека независимо от его заслуг («Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен» [2Тим. 1:8–9]). Однако условием спасения для человека является основанное на свободной воле покаяние и вера – именно этим и отличается от Вараввы распятый разбойник, уверовавший в Бога и обратившийся с мольбой к Спасителю. Поэт не впервые уделяет особое внимание спасительной благодати (вспомним стихотворения «Я знаю землю, где впотьмах...», «Отрицание», перевод «Слова о Законе и Благодати» и другие произведения поэта), подчеркивая значение Божественного как в образе Христа, так и в преодолении человеком собственной греховности.

Между образами раскаявшегося разбойника и вора из рассмотренного выше стихотворения просматривается связь, возможно, не только метафорическая, заключенная в преодолении духовной Голгофы, но и фактическая. Ушедший за Вараввой вор становится разбойником, впоследствии оказывается распятым справа от Христа и все же находит «ключи от рая» – о посмертной его судьбе мы узнаем из поэмы «Сошествие в ад», где он вместе с лирическим героем сопровождает Христа и назван уже «бывшим разбойником», «прощенным навек».

Образы воров-разбойников в творчестве Ю. Кузнецова служат для раскрытия идеи о единственно возможном пути веры и достижения благодати. Варавва и распятый разбойник предстают иллюстрациями двух типов людей – упорствующих в неверии и раскаявшихся. В оценке их поэт категоричен, потому Варавва обладает исключительно отрицательными характеристиками. Важным элементом рассматриваемого образа также является его роль в контексте осмысления поэтом исторического пути России.

Список литературы

1. Бесолова Е. Б., Габуниа З. М. О знаковой функции и культурной семантике волос // Известия СОИГСИ. № 23. 2017. С. 117–129.

2. Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник: в 4 т. Т. 3: Толкование на Евангелие от Луки. 3-е изд. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 512 с.
3. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. Сергиев Посад: Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 2004. 845 с.
4. Кадыкова А. Г., Крейдлин Г. Е. Части тела в русском языке и в русской культуре: признак «Цвет» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. С. 47–64.
5. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 5 т. Москва: Литературная Россия, 2013.
6. Кузнецов Ю. П. Тропы вечных тем: проза поэта. Москва: Литературная Россия, 2015. 713 с.
7. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд. П. П. Сойкина. 1120 стб.
8. Преподобный Косма Маиумский. Канон на великую Субботу [Электронный ресурс] // Азбука веры: православная библиотека. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kosma_Maiumskij/kanon_na_velikuju_subbotu/ (дата обращения: 20.10.2021).
9. Редькин В. А. «Живая метафора» Юрия Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. № 12. 2008. С. 48–56.

THIEVES-ROBBERS: FAITH AND FAITHLESSNESS IN THE POETRY OF YURI KUZNETSOV

A. V. Ilinykh

Tver State University, Tver

The article examines the problem of faith and faithlessness in the works of Yuri Kuznetsov using the example of images of Barabbas and the repentant robber. Special attention is paid to the role of the portrait detail in the spiritual characterization of the character, as well as the significance of the biblical image in the context of the poet's understanding of the historical fate of Russia.

Keywords: Y.P. Kuznetsov, poetry of the XX–XXI centuries, Christianity, evangelical motifs, Barabbas, biblical symbolism.

Об авторе:

ИЛЬИНЫХ Анастасия Витальевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: philology.publishing@tversu.ru.

About the author:

ILINYKH Anastasiya Vitalevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: philology.publishing@tversu.ru.